
Алексей Попов
Понедельник, 9:15
Lycée
TCL
Liste
de maintien
Lyon

Алексей Попов

Понедельник, 9:15

«Автор»
2026

Попов А. В.

Понедельник, 9:15 / А. В. Попов — «Автор», 2026

«Понедельник, 9:15» — офисный роман с детективной линией.Мишель Лоран — тихий ветеран лионского страхового отдела. Двадцать один год он помнит, где лежат бумаги, кто кому что обещал и почему лучше молчать. Но в понедельник в 9:15 всё меняется: компанию покупает парижский холдинг, приезжают аудиторы, а под повесткой собрания Мишель находит предварительный «список выживших».Одиннадцать фамилий. Его - первая, с пометкой «сохранить, но переформатировать». Коллеги делятся на тех, кто в списке, и тех, кто нет. В отделе начинаются анонимные доносы, обеды превращаются в суд, а старые обиды - в оружие.Мишель пытается понять, кто составил список и кто пишет доносы. Но главный вопрос иной: останется ли он удобным человеком, которого легко сохранить, - или впервые за двадцать один год заговорит?

© Попов А. В., 2026
© Автор, 2026

Алексей Попов
Понедельник, 9:15

Понедельник, 9:15
Часть I. Понедельник

Глава 1. 8:47, трамвай T1

Трамвай T1 всегда приходил в 8:47. Не в 8:46 и не в 8:48. Мишель Лоран знал это наизусть, потому что двадцать один год садился в него на остановке «Пар-Дьё - Гар де Лион» и двадцать один год выходил на «Тонкин». За это время трамвай ни разу не опоздал. Он мог сломаться, застрять, встать посреди перекрёстка из-за велосипедиста, который решил, что правила дорожного движения - это рекомендации, - но расписание он держал свято. В этом было что-то утешительное. Что-то французское. Что-то, во что можно верить, когда всё остальное рушится.

Мишель стоял у задней двери, держась за поручень, и смотрел на Лион, который проплывал за окном: фасады из золотистого камня, закрытые ставни, балконы с коваными решётками, на которых сохло бельё, - потому что даже в центре города люди остаются людьми. Он знал этот маршрут так же хорошо, как собственный почерк. Вот аптека, где работает фармацевт с лицом человека, который всю жизнь слушает чужие жалобы. Вот булочная, где по утрам пахнет так, что хочется бросить работу и устроиться туда мыть полы. Вот банк, у которого на входе всегда стоит охранник, похожий на уставшего актёра, играющего охранника.

Мишель не был сентиментальным. По крайней мере, он так думал. Он был старшим менеджером по корпоративным страховым случаям в компании «Rhône Assurances», и это звучало гораздо внушительнее, чем было на самом деле. На самом деле он разбирал бумаги. Двадцать один год. Каждый день. Бумаги приходили, бумаги уходили, бумаги оседали в архиве, и Мишель был тем человеком, который помнил, где что лежит. Не потому что он был гением. Потому что он был там. Всегда.

- Месье Лоран?

Он обернулся. Молодая женщина с наушниками, в спортивной куртке, смотрела на него с вежливым нетерпением.

- Вы выходите на «Тонкин»?

- Да, - сказал он. - Выхожу.

Она кивнула и отвернулась. Мишель посмотрел на неё и подумал: ей лет двадцать пять. Она работает в стартапе. Она пьёт смузи. Она никогда не слышала слова «архив». Он не завидовал ей. Он просто отмечал - как отмечал всё в своей жизни. Спокойно, методично, без эмоций.

Трамвай остановился. Двери открылись с шипением, которое Мишель слышал сто раз и которое всё равно казалось ему немного театральным. Он вышел на «Тонкин», поправил галстук - тёмно-синий, в мелкий рубчик, подарок жены на сорокалетие, - и зашагал к офису.

Офис «Rhône Assurances» занимал четыре этажа в здании, которое когда-то было гостиницей. На фасаде до сих пор сохранилась лепнина с виноградными лозами, а на втором этаже - балкон, с которого, по легенде, в 1947 году выступал какой-то поэт, о котором никто уже не помнил. Внутри всё было функционально и безлико: белые стены, серые ковролины, лампы дневного света, которые гудели так, что иногда казалось, будто в здании живёт огромный уставший шмель.

Мишель поднялся на третий этаж, кивнул охраннику Жану - тот всегда читал газету, но всегда поднимал глаза, когда кто-то входил, - и толкнул стеклянную дверь отдела.

- Салют, Мишель.

Сандрин из бухгалтерии уже стояла у кофемашины. Она была из тех женщин, которые всегда стоят у кофемашины, - не потому что любят кофе, а потому что там происходит жизнь. У неё были рыжие волосы, которые она красила раз в месяц в парикмахерской на площади Белькур, и манера говорить так, будто она сообщает государственную тайну, хотя на самом деле она сообщала, что в столовой сегодня курица.

- Салют, Сандрин.

- Ты слышал?

- Что?

Она округлила глаза. Это был её коронный номер. Глаза у неё становились как два блюдца, и в этот момент она была похожа на сову, которая только что узнала, что лес вырубают.

- В девять пятнадцать будет собрание. Всех. В большой переговорной.

Мишель посмотрел на часы. 8:58. У него было семнадцать минут, чтобы налить кофе, открыть почту и сделать вид, что он не нервничает.

- Про что собрание?

- Никто не знает. - Она понизила голос. - Но Натали пришла в семь утра. В семь, Мишель. Она никогда не приходит в семь.

Мишель налил себе кофе - чёрный, без сахара, в кружку с надписью «Le café est un art de vivre», которую ему подарила дочь на Рождество, - и прошёл к своему столу. Стол был у окна. Это было единственное преимущество его должности: он видел кусок неба и крышу соседнего здания, на которой иногда сидели голуби и смотрели на людей с презрением, которое они явно унаследовали от динозавров.

Он сел, включил компьютер, ввёл пароль - «Emma2001», день рождения дочери, - и открыл почту. Тридцать два письма. Двадцать девять из них не требовали ответа. Три требовали, но могли подождать. Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на экран.

Собрание в 9:15.

В компании «Rhône Assurances» собрания созывали по трём причинам: чтобы сообщить хорошие новости, чтобы сообщить плохие новости и чтобы создать видимость работы. Обычно это были третьи. Но Сандрин сказала, что Натали пришла в семь. Натали Берже, директриса отдела, женщина, которая считала, что приходить раньше девяти - это признак плохой организации, пришла в семь.

Это не предвещало ничего хорошего.

Мишель сделал глоток кофе и подумал: «Мне сорок восемь лет. Я работаю здесь двадцать один год. У меня есть жена, дочь, мать в доме престарелых и кредит на машину. Я не могу позволить себе плохих новостей».

Он посмотрел на голубей за окном. Один из них повернул голову и посмотрел на него в ответ. Мишель подумал, что голуби, наверное, счастливее людей, потому что им не нужно ходить на собрания.

В 9:10 он встал и пошёл в большую переговорную.

Глава 2. 9:00, кофемашина

Кофемашина на третьем этаже была не просто кофемашиной. Это был центр вселенной. Здесь обсуждали начальство, сплетничали о коллегах, жаловались на погоду, обменивались рецептами и иногда - очень редко - работали. Кофемашина стояла в нише между туалетом и архивом, и это было символично: жизнь офиса вращалась между кофе, бумагами и необходимостью.

Когда Мишель подошёл, там уже стояли Бруно и Карим.

Бруно Шаррье был профсоюзным делегатом CGT. Ему было пятьдесят два, у него был живот, который он называл «профсоюзным», и привычка говорить так, будто он читает устав - медленно, с паузами, с ударением на каждом слове. Он любил процедуры. Не потому что верил в них, а потому что они были единственным оружием, которое у него было.

- Пока нет приказа, - говорил он, - нет аудита. Всё остальное - слухи.

- Бруно, - сказал Карим, - ты сам слышал, что Сандрин сказала.

- Сандрин говорит, что в столовой курица, даже когда там рыба. - Бруно налил себе кофе из автомата, который стоял рядом с кофемашиной и выдавал жидкость, отдалённо напоминающую кофе. - Я верю фактам. Факты - это документы. Документов нет.

Карим Бенали был из IT. Ему было тридцать пять, он носил футболки с надписями на языке, которого никто не понимал, и обладал редким даром: он мог объяснить любую техническую проблему так, что становилось понятно, но не хотелось понимать.

- Документы будут, - сказал он. - Вопрос - какие.

Мишель налил себе второй кофе. Он не собирался пить второй кофе, но руки делали это сами.

- Мишель, - сказал Бруно, - ты знаешь что-нибудь?

- Я знаю, что в 9:15 будет собрание.

- Это не знание. Это расписание.

- Для меня это одно и то же.

Бруно хмыкнул. Он уважал Мишеля за то, что тот никогда не паниковал. Мишель уважал Бруно за то, что тот всегда паниковал вовремя. Это был странный союз, но он работал.

К ним подошла Клэр Морель. Ей был сорок один год, она была разведена, у неё был сын, которого звали Лука, и она всегда выглядела так, будто только что вышла из парикмахерской, хотя на самом деле она просто умела выбирать одежду. На ней была белая блузка и серые брюки, и она держала папку - не обычную офисную папку, а папку с логотипом, которого Мишель раньше не видел.

- Клэр, - сказал он, - что это за папка?

Она посмотрела на папку так, будто только что заметила её.

- А, это. - Она пожала плечами. - Бумаги. Ничего интересного.

Мишель не стал настаивать. Он знал, что Клэр врёт. Он также знал, что если она врёт, значит, у неё есть причина. А если у неё есть причина, значит, она знает больше, чем говорит.

- В 9:15 всё выяснится, - сказала она и ушла.

Бруно посмотрел ей вслед.

- Она что-то знает.

- Она всегда что-то знает, - сказал Карим. - Вопрос - что именно.

Мишель допил кофе. Второй кофе был ошибкой. Сердце билось быстрее, чем следовало, и он не мог понять, от кофеина это или от тревоги.

В 9:12 появилась Моник.

Моник Перрен была ассистенткой дирекции. Ей было пятьдесят восемь, она работала в компании тридцать лет и знала всё. Не потому что она подслушивала, а потому что люди говорили при ней так, будто её не было. Она была «офисной мамой»: приносила печенье по пятницам, помнила дни рождения, знала, у кого больна мама, а у кого проблемы с сыном-подростком. Она также знала, где лежат все документы, включая те, которые никто не должен был находить.

- Моник, - сказал Мишель. - Ты знаешь, что будет на собрании?

Она посмотрела на него поверх очков. У неё были очки в тонкой золотой оправе, которые она носила на цепочке, как бабушка, и которые придавали ей вид человека, который видел слишком много и решил молчать.

- Я знаю, что в 9:15 будет собрание, - сказала она. - Остальное - не моё дело.

Она ушла. Бруно посмотрел на Мишеля.

- Она знает.

- Она всегда знает.

- И никогда не говорит.

- В этом её сила.

В 9:14 они пошли в переговорную. Мишель шёл последним. Он всегда шёл последним. Это была привычка человека, который не любит привлекать внимание.

Глава 3. 9:15, собрание

Большая переговорная была единственной комнатой в офисе, где было много света. Окна выходили на площадь, и в хорошую погоду можно было видеть фонтан, который работал через раз. Сегодня фонтан не работал. Это было плохим знаком. Мишель не верил в знаки, но отмечал их.

Стол был длинный, овальный, из светлого дерева. Вокруг него стояли стулья на колёсиках, которые всегда скрипели, когда на них садились. На стене висел проектор, который подключался через кабель, который всегда терялся. В углу стоял кулер с водой, который никто не менял, потому что это было не в чьей-то компетенции.

Все уже собрались. Двадцать четыре человека. Отдел корпоративного страхования «Rhône Assurances». Люди, которые знали друг друга десять, пятнадцать, двадцать лет. Люди, которые вместе обедали, вместе жаловались, вместе праздновали Рождество и вместе молчали на собраниях.

Натали Берже стояла во главе стола. Ей было сорок пять, она носила тёмные костюмы и говорила так, будто каждое слово стоило денег. Она была не злой. Она была эффективной. Это было хуже.

- Доброе утро, - сказала она. - Спасибо, что пришли.

Мишель подумал: «Мы не пришли. Нас позвали. Это разные вещи».

- Как вы знаете, - продолжила Натали, - в последние месяцы компания вела переговоры о стратегическом партнёрстве. Я рада сообщить, что эти переговоры завершены.

Она сделала паузу. Пауза была хорошо отрепетирована. Она должна была создать напряжение. Она его создала.

- «Rhône Assurances» становится частью «Groupe Vasseur». Это парижский холдинг с сильными позициями в корпоративном страховании. Для нас это возможность выйти на новый уровень.

В комнате стало тихо. Не просто тихо - тихо так, будто кто-то выключил звук. Мишель слышал, как гудит лампа дневного света. Он слышал, как кто-то за столом - кажется, Филипп - скрипнул стулом.

- Что это значит для нас? - спросил Бруно. Он не поднял руку. Он никогда не поднимал руку. - Что это значит для рабочих мест?

Натали улыбнулась. Улыбка была вежливой, но глаза остались холодными.

- Это значит, что в ближайшие недели к нам приедут аудиторы. Они оценят структуру отдела и предложат оптимизацию процессов.

- Оптимизацию, - повторил Бруно. - Это слово. Что оно значит?

- Оно значит, что мы станем более agile.

- Agile, - сказал Бруно. - Это английское слово. Во французском языке есть слово «гибкий». Оно значит «тот, которого можно согнуть».

Натали не ответила. Она посмотрела на Оду Делькур, которая сидела в углу и что-то записывала в планшет. Ода была из Парижа. Она приехала сегодня утром. Она была аудитором.

- У кого-нибудь есть вопросы? - спросила Натали.

Вопросов было много. Но никто их не задал. В этом была особенность французского офиса: все знали, что вопросы ничего не изменят, но все хотели их задать. Разница между знанием и действием была тем, что называлось «корпоративной культурой».

Мишель посмотрел на Оду. Она подняла глаза и встретилась с ним взглядом. Она улыбнулась - вежливо, без эмоций. Он кивнул. Он не знал, что ещё делать.

- Собрание окончено, - сказала Натали. - Продолжайте работать. Аудиторы начнут встречи с сегодняшнего дня.

Люди начали вставать. Стулья скрипели. Кто-то прошептал что-то Сандрин. Сандрин округлила глаза. Бруно что-то сказал Кариму. Карим покачал головой.

Мишель остался сидеть. Он смотрел на стол. На столе лежала повестка собрания - лист А4, напечатанный на офисном принтере. Внизу была подпись: «N. Berger, Directrice».

Он взял лист. Под повесткой был ещё один лист. Тонкий, почти прозрачный. На нём было что-то напечатано. Мишель перевернул его.

Это был список. Одиннадцать фамилий. И его фамилия была первой.

Глава 4. 10:00, коридор

Мишель не помнил, как вышел из переговорной. Он помнил, что лист был у него в руке, потом в кармане, потом снова в руке. Он шёл по коридору и чувствовал, что пол под ногами стал немного другим - не твёрдым, а каким-то зыбким, как палуба корабля.

- Мишель!

Он обернулся. Филипп Дюма шёл за ним. Филипп был его заместителем. Ему было пятьдесят, он носил очки в толстой оправе и всегда говорил так, будто он только что вернулся с важной встречи, хотя на самом деле он только что вернулся из туалета.

- Ты видел это? - спросил Филипп.

- Что?

- Аудиторов. Они уже заняли переговорную. Они привезли свои компьютеры. Свои. Они не пользуются нашими.

- Это логично. У них своя система.

- Это не логично. Это оккупация.

Мишель кивнул. Он не хотел обсуждать оккупацию. Он хотел найти место, где можно было бы спокойно посмотреть на список.

- Филипп, - сказал он, - ты знаешь что-нибудь о списке?

Филипп остановился.

- О каком списке?

- О списке. Который кто-то оставил в переговорной.

Филипп посмотрел на него. В его глазах было что-то - не страх, а что-то похожее на жадность.

- Ты нашёл список?

- Я нашёл бумагу.

- Покажи.

Мишель покачал головой.

- Это не твоё дело.

- Это моё дело, если в нём есть моё имя.

- В нём есть моё имя.

Филипп замолчал. Он посмотрел на Мишеля так, будто видел его впервые.

- Ты знаешь, что это значит?

- Я знаю, что это значит, что кто-то составил список. Я не знаю, кто и зачем.

- Это значит, что они уже решили. - Филипп понизил голос. - Всё уже решено. Аудит - это спектакль.

Мишель не ответил. Он думал о том же самом.

- Держись вместе, - сказал Филипп. - Мы должны держаться вместе.

- Держаться вместе - это когда каждый думает о себе, но вслух, - сказала Клэр, которая появилась из-за угла. Она шла с папкой - той самой, с логотипом, которого Мишель не знал. - Привет, мальчики.

- Клэр, - сказал Филипп, - ты знаешь что-нибудь?

- Я знаю, что в 9:15 было собрание. Я знаю, что теперь будут аудиты. Я знаю, что в столовой сегодня курица.

- Это не смешно.

- Это не смешно, - согласилась она. - Но это правда.

Она ушла. Филипп посмотрел ей вслед.

- Она что-то знает.

- Она всегда что-то знает, - сказал Мишель.

- Это меня и беспокоит.

Мишель пошёл к своему столу. Он сел, положил лист перед собой и посмотрел на него.

«Liste de maintien - version provisoire».

Список сохранения. Предварительная версия.

Одиннадцать фамилий. Он знал их все.

Laurent, Michel - à conserver - mémoire du service, mais à recadrer

Morel, Claire - à conserver - potentiel

Nguyen, Léo - à conserver - jeune, adaptable

Perrin, Monique - à conserver - accès archives

Benali, Karim - à conserver - support technique

Charrier, Bruno - à évaluer - risque syndical

Dumas, Philippe - à évaluer - ambition, conflit potentiel

For, Sandrine - à évaluer - bruit, mais compétente

Roux, Hélène - à conserver - RH

Vallier, Jean-Marc - à évaluer - proche retraite

Bernard, Nathalie - à conserver - direction

Мишель прочитал это три раза. Потом ещё раз. Потом закрыл глаза.

«À conserver - mémoire du service, mais à recadrer».

Сохранить. Память отдела. Но переформатировать.

Он не знал, что хуже: то, что его хотели сохранить, или то, что его хотели «переформатировать». Он не знал, что значит «переформатировать» в этом контексте. Он не знал, кто составил список. Он не знал, почему список был в переговорной.

Но он знал одно: список был составлен до аудита. Слишком аккуратные формулировки. Слишком точные оценки. Слишком много информации, которой не могло быть у парижских аудиторов.

Кто-то в отделе знал заранее.

Глава 5. 10:40, копировальная

Копировальная была самой маленькой комнатой на этаже. В ней стоял принтер, который работал через раз, и стеллаж с бумагой, которая всегда заканчивалась в самый неподходящий момент. На стене висела инструкция по использованию принтера, напечатанная в 2009 году, которая устарела примерно тогда же.

Мишель вошёл и закрыл за собой дверь. Он не знал, зачем он здесь. Может быть, ему нужно было место, где можно было подумать. Может быть, ему нужно было сделать копию списка. Может быть, ему просто нужно было побыть одному.

Он положил лист на стекло принтера и нажал кнопку. Принтер загудел. Из лотка выехал лист - точная копия. Мишель взял его и посмотрел.

Копия была идеальной. Но что-то в ней было не так. Он не мог понять, что. Он смотрел на неё и чувствовал, что что-то упускает.

Он перевернул лист. На обороте было пусто. Он посмотрел на оригинал. На обороте тоже было пусто.

Он положил оригинал и копию рядом. Они были идентичны. Но что-то было не так.

Он посмотрел на принтер. Принтер смотрел на него. Принтер всегда смотрел на него. Принтер был единственным объектом в офисе, который не притворялся.

Мишель взял оба листа и вышел. В коридоре он столкнулся с Моник.

- Мишель, - сказала она. - Ты что-то копировал?

- Да. Старый договор.

- Договор?

- Да. Договор.

Она посмотрела на него. Её глаза были спокойными, но в них было что-то - не вопрос, а утверждение.

- Будь осторожен с бумагами, - сказала она. - Бумаги - это память. А память иногда надо чистить.

Она ушла. Мишель посмотрел ей вслед. Он подумал: «Она знает. Она знает, что я нашёл. Она знает, что я скопировал. Она знает, что я буду делать дальше».

Он вернулся к своему столу и спрятал копию в книгу «Гражданский кодекс», которая стояла на полке. Оригинал он оставил в кармане. Он не знал, зачем ему два экземпляра. Но он чувствовал, что это важно.

Он сел и посмотрел в окно. Голуби всё ещё сидели на крыше. Они смотрели на него с презрением. Он смотрел на них с завистью.

Глава 6. 11:20, кабинет

Кабинет Мишеля был не кабинетом, а столом у окна. В компании «Rhône Assurances» кабинеты были только у директрисы и у HR. Остальные сидели в опенспейсе - слово, которое Мишель ненавидел, потому что оно звучало как название болезни.

Он сидел и смотрел на экран. На экране была таблица. В таблице были цифры. Цифры были скучными. Но он смотрел на них и не видел. Он видел список.

«À conserver - mémoire du service, mais à recadrer».

Он думал о том, что значит быть «памятью отдела». Это значило, что он помнил всё. Он помнил, где лежат договоры за 2004 год. Он помнил, что клиент Дюпон из Лиона-6 не любит, когда ему звонят после обеда. Он помнил, что в 2011 году был скандал с полисом, который чуть не стоил компании миллиона, и что именно он, Мишель, нашёл ошибку в последний момент.

Он помнил всё. И именно поэтому его хотели сохранить. Но «переформатировать».

Он не знал, что это значит. Он не хотел знать.

Он взял телефон и позвонил жене. Сильви ответила после третьего гудка.

- Алло?

- Привет. Это я.

- Я знаю, что это ты. У тебя определитель.

- Да. - Он помолчал. - Как дела?

- Нормально. Мама звонила. Она хочет, чтобы мы приехали в воскресенье.

- Хорошо.
- Ты в порядке?
- Да. Просто... на работе собрание было.
- Что-то серьёзное?

Он посмотрел на список. На свою фамилию. На пометку.

- Нет, - сказал он. - Ничего серьёзного. Обычное собрание.
- Ты всегда так говоришь.
- Как?
- «Ничего серьёзного». А потом оказывается, что серьёзное.
- В этот раз ничего серьёзного.
- Хорошо. - Она помолчала. - Ты придёшь сегодня вовремя?
- Постараюсь.
- Ты всегда так говоришь.
- Я знаю.

Он положил трубку. Он посмотрел на список. Он подумал: «Я не могу потерять работу. У меня кредит. У меня мать в доме престарелых. У меня дочь, которая учится в Париже и звонит только тогда, когда ей нужны деньги. Я не могу потерять работу».

Он открыл «Гражданский кодекс» и посмотрел на копию. Потом закрыл. Потом открыл снова.

Он не знал, что делать. Он никогда не знал, что делать. Он всегда просто делал то, что нужно было делать. Разбирал бумаги. Отвечал на письма. Ходил на собрания. Молчал.

Но сейчас молчать было нельзя. Молчание было опасно. Молчание было тем, что делало его «памятью отдела» - удобным человеком, которого можно было «переформатировать».

Он взял ручку и написал на листе: «Кто составил список?» Потом посмотрел на вопрос. Потом зачеркнул. Потом написал снова: «Кто оставил список в переговорной?» Потом зачеркнул. Потом написал: «Почему я?»

Он посмотрел на этот вопрос. Он был самым важным. Но он не знал ответа.

Глава 7. 12:30, обед

В компании «Rhône Assurances» обед был священным. В 12:30 все вставали и шли в столовую - не потому что там была хорошая еда (она была нормальной), а потому что это была традиция. Традиция, которая держала отдел вместе. Традиция, которая была важнее работы.

Столовая была на первом этаже. Там стояли длинные столы, покрытые клеёнкой в клетку, и висели фотографии Лиона 1960-х годов. На фотографиях были люди в шляпах, которые шли по улицам, и машины, которые были похожи на холодильники.

Мишель взял поднос и встал в очередь. Сегодня была курица. Сандрин была права.

- Мишель! - позвал Бруно. - Садись с нами.

Он сел. За столом уже были Бруно, Карим, Сандрин и Филипп. Клэр сидела за соседним столом с кем-то из бухгалтерии. Моник сидела одна, как всегда, и читала книгу.

- Итак, - сказал Бруно, - что мы знаем?
- Мы знаем, что будет аудит, - сказал Карим.
- Мы знаем, что Натали пришла в семь, - сказала Сандрин.
- Мы знаем, что в столовой курица, - сказал Филипп.
- Это не смешно, - сказал Бруно.
- Это не смешно, - согласился Филипп. - Но это правда.

Мишель ел курицу и молчал. Он думал о списке. Он думал о том, что если он расскажет, то всё изменится. Если он не расскажет, то всё изменится тоже. Разница была только в том, кто будет виноват.

- Мишель, - сказал Бруно, - ты какой-то тихий.

- Я всегда тихий.

- Сегодня ты тише обычного.

- Сегодня все тише обычного.

Бруно посмотрел на него. Он был профсоюзным делегатом. Он умел читать людей. Он знал, что Мишель что-то скрывает.

- Ты что-то знаешь, - сказал он.

- Я знаю, что в 9:15 было собрание.

- Это не знание. Это расписание.

- Для меня это одно и то же.

Бруно хмыкнул. Он не поверил. Но он не стал настаивать. Это была особенность французского офиса: все знали, что кто-то что-то скрывает, но никто не задавал прямых вопросов. Прямые вопросы были неприличны.

К столу подошёл Лео. Лео Нгуену было двадцать четыре. Он был стажёром. Он ел за компьютером - не потому что не хотел обедать с коллегами, а потому что не знал, что это неприлично. Он подошёл и встал рядом.

- Извините, - сказал он. - А почему никто не бастует?

Все посмотрели на него.

- Что? - сказал Бруно.

- Ну, - сказал Лео, - если будет аудит и сокращения, почему никто не бастует? Профсоюз же есть.

Бруно посмотрел на него так, будто он предложил сжечь флаг.

- Стажёр, - сказал он. - Ты знаешь, что такое забастовка?

- Это когда люди не работают, чтобы добиться своих прав.

- Это когда люди не работают, чтобы добиться своих прав, и при этом теряют зарплату, - сказал Бруно. - И иногда теряют работу. И иногда теряют всё.

- Но если все бастуют, то...

- Если все бастуют, - перебил Бруно, - то все теряют зарплату. А если все теряют зарплату, то все думают о том, как заплатить за квартиру. А если все думают о том, как заплатить за квартиру, то никто не думает о забастовке.

Лео замолчал. Он посмотрел на свой поднос. Потом на Мишеля.

- А вы что думаете?

Мишель посмотрел на него. Лео был молод. Он ещё верил, что можно что-то изменить. Мишель не верил. Но он не хотел говорить это вслух.

- Я думаю, - сказал он, - что в 12:30 надо обедать.

Лео посмотрел на него. Потом кивнул и ушёл.

- Он хороший мальчик, - сказала Сандрин.

- Он наивный, - сказал Филипп.

- Это одно и то же, - сказал Мишель.

Он посмотрел на Моник. Она ела суп и читала книгу. Она не участвовала в разговоре. Она никогда не участвовала в разговорах. Но она всегда слушала.

Глава 8. 14:00, первый допрос

В 14:00 Мишеля вызвали в переговорную. Не в большую, а в маленькую - ту, где стоял только стол и два стула. На столе был ноутбук. За ноутбуком сидела Ода Делькур.

- Месье Лоран, - сказала она. - Спасибо, что пришли. Садитесь.

Он сел. Стул скрипнул. Он всегда скрипел.

- Я Ода Делькур. Я аудитор. Я буду задавать вам вопросы. Это часть оценки структуры отдела.

- Я понимаю.

- Хорошо. - Она открыла ноутбук. - Сколько вы работаете в компании?

- Двадцать один год.

- Двадцать один год. - Она записала. - Что входит в ваши обязанности?

- Корпоративные страховые случаи. Работа с договорами. Архив. Контроль документации.

- Контроль документации. - Она записала. - Кто здесь реально держит отдел?

Мишель посмотрел на неё. Вопрос был простым. Ответ был сложным.

- Я не понимаю вопроса.

- Я спрашиваю, кто здесь незаменим. Кто знает то, чего не знают другие. Кто держит информацию.

Мишель подумал о Моник. О чёрной тетради. О списке.

- Я думаю, - сказал он, - что все незаменимы по-своему.

- Это дипломатичный ответ.

- Это правдивый ответ.

- Правдивый и дипломатичный - не всегда одно и то же.

- В данном случае - одно и то же.

Ода посмотрела на него. Она не улыбалась. Она не хмурилась. Она просто смотрела.

- Месье Лоран, - сказала она. - Я задам вам другой вопрос. Кто создаёт напряжение в отделе?

- Напряжение?

- Конфликты. Недовольство. Сопротивление.

Мишель подумал о Бруно. О его профсоюзных часах. О его жалобах. О его упрямстве.

- Я не знаю, - сказал он.

- Вы не знаете?

- Я не знаю, что вы имеете в виду под напряжением.

- Я имею в виду людей, которые мешают работать.

- В этом отделе никто не мешает работать. Мы все работаем.

- Все?

- Все.

Ода записала что-то. Мишель не видел, что. Он хотел посмотреть, но не мог.

- Месье Лоран, - сказала она. - Вы знаете, что будет после аудита?

- Я знаю, что будет оптимизация.

- Оптимизация. Да. Вы знаете, что она может включать?

- Сокращения.

- Да. - Она посмотрела на него. - Вы готовы к сокращениям?

- Я готов работать.

- Это не ответ.

- Это единственный ответ, который у меня есть.

Ода закрыла ноутбук.

- Спасибо, месье Лоран. Это всё.

Он встал. У двери он обернулся.

- Мадам Делькур.

- Да?

- Список. Который вы составили. Он окончательный?

Она посмотрела на него. Её лицо не изменилось.

- Я не составляла список, - сказала она. - Я провожу аудит. Список - это результат.

- Результат чего?

- Результат аудита.

- Аудит только начался.

Она посмотрела на него. В её глазах было что-то - не удивление, а интерес.

- Вы правы, - сказала она. - Аудит только начался.

Он вышел. В коридоре он прислонился к стене и закрыл глаза. Сердце билось быстро. Он не знал, что только что произошло. Но он знал, что это было важно.

Глава 9. 15:30, Филипп

Филипп ждал его у кофемашины.

- Ну? - сказал он. - Что она спрашивала?

- Разное.

- Что разное?

- Кто держит отдел. Кто создаёт напряжение.

- И что ты сказал?

- Что все держат. Что никто не создаёт.

Филипп посмотрел на него.

- Ты сказал ей про Бруно?

- Нет.

- Почему?

- Потому что это не её дело.

- Это её дело. Она аудитор. Она решает, кого оставить.

- Она не решает. Она рекомендует.

- Это одно и то же.

Мишель налил себе кофе. Он не хотел кофе. Он хотел, чтобы Филипп ушёл.

- Филипп, - сказал он. - Ты что-то знаешь?

- О чём?

- О списке.

Филипп замолчал. Он посмотрел на кофемашину. Потом на Мишеля.

- Я знаю, что ты что-то знаешь, - сказал он. - Ты всегда что-то знаешь. Ты тихий. Тихие всегда что-то знают.

- Это не ответ.

- Это ответ. - Филипп сделал шаг ближе. - Мишель, мы работаем вместе десять лет. Я знаю тебя. Ты не тот, кто молчит просто так. Ты молчишь, потому что думаешь.

- Я всегда думаю.

- Вот именно. - Филипп посмотрел на него. - Ты знаешь, кто в списке?

Мишель не ответил.

- Я так и думал, - сказал Филипп. - Ты знаешь. И ты не говоришь. Это значит, что ты либо с ними, либо боишься.

- Я не с ними.

- Тогда почему не говоришь?

- Потому что не знаю, что говорить.

Филипп посмотрел на него. Потом покачал головой.

- Ты всегда был слишком тихим, - сказал он. - Тихие первыми сдают.

Он ушёл. Мишель остался стоять у кофемашины. Кофе остывал в кружке. Он не пил его.

Он думал: «Тихие первыми сдают. Может быть, Филипп прав. Может быть, я уже сдал. Может быть, я сдал, когда нашёл список и не сказал никому. Может быть, я сдал, когда спрятал его в книгу. Может быть, я сдал, когда решил, что буду разбираться сам».

Он посмотрел на кофемашину. Кофемашина посмотрела на него. Она ничего не сказала. Она никогда ничего не говорила.

Глава 10. 16:15, архив

Архив был в подвале. Туда вела лестница, которая скрипела на каждой ступеньке, и дверь, которая всегда была приоткрыта. Внутри было холодно и пахло бумагой - не неприятно, а как-то по-старинному, как в библиотеке, где никто не бывает.

Мишель спустился в архив, потому что ему нужно было найти старый договор. Это была отговорка. На самом деле ему нужно было побыть одному.

Он шёл между стеллажами. Полки были забиты папками. На корешках были даты: 1998, 1999, 2000. Он знал эти папки. Он сам их составлял. Двадцать один год он складывал бумаги в папки и ставил их на полки. Двадцать один год он был памятью отдела.

- Мишель?

Он обернулся. Моник стояла в конце стеллажа. Она держала папку.

- Моник. Я не слышал, как ты вошла.

- Я всегда хожу тихо. - Она улыбнулась. - Что ты ищешь?

- Договор. За 2009 год.

- 2009. Это в третьем стеллаже. Второй ряд.

- Спасибо.

Он пошёл к третьему стеллажу. Моник пошла за ним.

- Мишель, - сказала она. - Ты сегодня какой-то странный.

- Я всегда странный.

- Нет. Ты всегда тихий. Это другое.

Он остановился.

- Моник, - сказал он. - Ты знаешь что-нибудь о списке?

Она посмотрела на него. Её лицо не изменилось.

- О каком списке?

- О списке, который кто-то оставил в переговорной.

- Я не знаю, о чём ты.

- Ты всегда всё знаешь.

- Я знаю, где лежат бумаги. Это не то же самое, что знать, что в них написано.

- Но ты знаешь, что в них написано.

Она помолчала. Потом посмотрела на папку, которую держала.

- Мишель, - сказала она. - Архив - это память. Но память надо иногда чистить. Иначе она становится обузой.

- Что это значит?

- Это значит, что не все бумаги нужно читать. Некоторые бумаги лучше не трогать.

Она ушла. Мишель остался стоять между стеллажами. Он смотрел на папку за 2009 год. Он знал, что в ней. Он знал, что в ней ничего нет. Он знал, что Моник соврала.

Он повернулся и посмотрел на стеллаж, у которого она стояла. Там была папка с надписью «Divers». Разное. Он открыл её. Внутри была чёрная тетрадь.

Он взял тетрадь. Она была старая, с потрёпанными уголками. Он открыл её. На первой странице было написано: «Monique Perrin. Notes personnelles. 2015–2025».

Он закрыл тетрадь. Положил её обратно. Он не был готов читать её. Но он знал, что вернётся.

Глава 11. 17:00, первый донос

Ода Делькур сидела в переговорной и смотрела на экран ноутбука. На экране было письмо. Анонимное. Напечатанное на офисном принтере.

«Мадам,

Я считаю своим долгом сообщить, что Бруно Шаррье использует профсоюзные часы не по назначению. В частности, 12 ноября он провёл три часа в профсоюзной комнате, занимаясь личными делами. Это нарушает регламент.

Сотрудник».

Ода прочитала письмо три раза. Потом позвала Натали.

- Натали, - сказала она. - У нас первый донос.

Натали посмотрела на письмо.

- Кто это написал?

- Аноним.

- Конечно, аноним. - Натали помолчала. - Что будем делать?

- Ничего. Пока. Это данные.

- Данные?

- Да. Мы собираем данные. Потом будем анализировать.

Натали кивнула. Она не любила анонимные письма. Но она понимала их пользу.

- Хорошо, - сказала она. - Продолжайте.

Ода сохранила письмо в папку «Anonymes». В папке уже было три письма. Она знала, что будут ещё.

Глава 12. 17:40, Бруно вызывают

Бруно вышел из переговорной с красным лицом. Он шёл по коридору и говорил громко, так, чтобы все слышали.

- Это нарушение процедуры! - говорил он. - Анонимные письма не могут быть основанием для дисциплинарного разбирательства! Это регламент!

- Бруно, - сказал Карим, - успокойся.

- Я не буду успокаиваться! Это произвол! Это нарушение трудового кодекса!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.